

УДК 821.161.1-1

ИНФЕРНАЛЬНЫЙ МИР В ТВОРЧЕСТВЕ Ю. П. КУЗНЕЦОВА

В. А. Редькин

Тверской государственной университет
кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества

Инфернальный мир представлен у Ю. П. Кузнецова как дух зла, присутствующий во вселенной, в природе, проникающий в национальное сознание, душу конкретного человека, в искусство. Зло всегда разрушительно. На протяжении всей творческой жизни поэта волновала проблема предательства как воплощения злого духа в людях. Инфернальный мир во всей своей мерзости, тьме и лжи нарисован в поэме «Сшествие в ад». Ю. Кузнецов рисует победу Христа над Сатаной. От ощущения присутствия в мире сатаны Ю. Кузнецов пришел к чувству Божьего промысла и явного наличия в мире Христа.

Ключевые слова: Ю. П. Кузнецов, инфернальный мир, ад, ложь, тьма, пустота, предательство, сатана, духовность, свет, Христос

На одном из вечеров в ЦДЛ Ю. П. Кузнецова спросили, а знает ли он что-то такое, чего не знают другие, и он ответил, что знает, что в мире присутствует Сатана. Это ощущение он передал в своих стихах: «Во тьме сидит, как бы незрим, // Великий Сатана, // Сверкая взглядом роковым, // Но мысль его темна» [5, с. 243]. Если добро понимать, как «движение к Богу», а зло как «усугубляющееся отъединение от Него» [1, с. 7], то следует признать, что именно в этом и заключается суть поэзии Ю. Кузнецова.

Инфернальный мир представлен у Кузнецова как дух зла. Для Кузнецова зло, в соответствии с православной концепцией, – «это уклон бытия к небытию, движение к мнимой цели, извращение, ложь, болезнь бытия» [2, с. 20]. Это относится к вселенной в её космической необъятности, к природному миру Земли, нации, государству и конкретному человеку, искусству. Зло всегда разрушительно. При этом зло в представлении Кузнецова – лично. Злой дух – это дьявол, Сатана, Ариман, Вельзевул, Люцифер, Прометей. Это падший ангел, которому свойственны гордость, себялюбие, эгоизм. Люди – носители злого духа – себя ставят в центре мироздания. Злой дух – это пустота, которая заполняется плодами собственного воображения, страстями. Зло – это наваждение. Оно призрачно: «Призраки с четвертым измереньем // В мир проникли плотным наважденьем. // Как в гипнозе, ходишь и живешь // Среди них ты, слыша их галдеж. // Лица их – сплошные негативы, // Мины их презрительно-брезгливы, // А в глазах, как мысль, мелькает цель, // Людям неизвестная досель» [5, с. 277].

«Туча великая нас понесла в пустоту», – так представляет поэт посещение ада [5, с. 565]. При описании ада у Кузнецова повторяется рефрен: «Словно пустое в порожнее где-то упало» [5, с. 573]. Пустота и холод одиночества оборачивается злостью, ненавистью, стремлением к всеобщему уничтожению. Ад представляется «зрачком, ненавидящим нас» [5, с. 566]. Именно поэтому все носители ненависти у Кузнецова оказываются в аду. Смердит Белинский, «изо рта изрыгая ворон» [5,

с. 605], Герцен висит вниз головой над огнем, Салтыков-Щедрин «спекся в уголь по самые плечи» [5, с. 606], сердце Маркса клюёт ворон, корчится в муках Бандера, а «Украина рехнулась ума» [5, с. 604]. При этом злой дух прикидывается добрым, чтобы соблазнить человека, отвратить его от пути к Богу.

Уже в поэме «Золотая гора» (1974), которую можно считать программой творческого пути поэта к истинному искусству, возникает и неразрешимый человеческий вопрос о смысле существования, и образ сатаны, срывающего наживку с крючка, закинутого в мертвую реку – иной мир, и образ дитя человеческого, бросающего куски сахара в океан, океан жизни, чтобы изменить его к лучшему, и мотив самоотречения, когда тень поэта наматывается на колесо повозки слез, и её приходится отсечь. Под камнем славы оказывается клубок червей. Земное и небесное, высоту и глубину, свет и тьму, тепло и холод уже здесь поэт не просто противопоставляет, а сопрягает в неразрывном единстве.

В стихотворении «Возвращение» присутствие погибшего отца передается физически реально. Это не просто память, это – духовный прорыв к любимым из иного мира и прорыв любящих сердец к дорогому и по-прежнему любимому мужу и отцу. На точке пересечения векторов душевного движения и рождается образ. Возникает ощущение присутствия мистического и жутковатого, тем более что «столб крутящейся пыли бредет, одинокий и страшный» [6, с. 77]. Пыль ада – это истолченное зло, утверждает Кузнецов.

Край этого света, за которым начинается inferнальное пространство, у Кузнецова не только «за первым углом» [4, с. 1], но в каждой точке пространства, в каждом миге. Inferнальный мир присутствует в мире земном, выдвигая на первое место в человеческом сознании лжегероев: «Гулом, криками площадь полна, // Там качает героя толпа. // Он взлетает в бездонное небо. // Посулил ли он вечного хлеба // Иль дошел до предела в числе, // Иль открыл, что нас нет на земле?.. // Выше, выше! Туда и оттуда!.. // Но зевнула минута иль век – // И на площади снова безлюдно... // И в пространстве повис человек» [5, с. 126].

Бурное бессмысленное движение (туда и оттуда) оказывается призрачным, а неожиданное состояние покоя, когда человек остается в пространстве наедине с собой, должно послужить определенным предостережением человечеству: не обольщаться ложными ценностями. В каком пространстве оказываются лжегерои? В аду, что поэт прямо показал в поэме «Сошествие в ад». Это дьявол «долбит», заставляя решать вопрос, «мир существует иль нет» [5, с. 596].

Обращает на себя внимание многократное употребление образа заброшенного храма в стихотворениях «Вина», «Свеча в заброшенной часовне», «И заросла дорога в храм...», «Храм стоял среди праха и тлена...» и др. Но, возможно, наше спасение было в том, что храм всё же выстоял, а не был взорван или разрушен. Самое страшное запустение – запустение даже не в храме, а в душе человека. Коль пуста духовная сторона жизни, на первое место выступает служение телесной оболочке: «Что за племя на свет народилось? // Не прогнать и собакой цепной. // Обделила их божия милость – // Так желают урвать от земной...» («Отповедь») [5, с. 250].

Поэт поддерживает мысль И. А. Ильина «о сопротивлении злу силою» [3, с. 275]. В стихах Ю. П. Кузнецова заключена мощная критика рационалистического сознания и современной цивилизации в целом. В «Возмездии» он прямо выражает веру в силу слова, возможность заклятья стихом сил зла. На протяжении всей своей жизни он сражался с невидимым злом.

Проблема предательства как воплощения злого духа в людях волновала поэта всегда. Библейский мотив предательства развивается в стихотворении «Я друга ждал...» Таков и образ Луки в поэме «Дом». Лука мерзок в своем предательстве, отречении от дома, отца, родного города, родины, брата. Он хитер и изворотлив и в своем отрицании доходит до демонизма, человеконенавистничества. Отстаивая свою неправду, он закладывает под весь существующий мир бомбу и готов взорвать её вместе с собой. Поэт подчеркивает, что Лука не исключение в собственной нации: вот по полю бежит дезертир – его припекло в прошлогодней скирде, вот Влас в бою ищет, «где плен». В поэме «Сошествие в ад» Ю. Кузнецов рисует страшные мучения в огненной яме предателей: Иуды, Олега, князя рязанского, Курбского, Мазепы, генерала Власова, Ельцина и Чубайса: «Дым через уши валил из спинного хребта, // Черный язык вылезал, как змея, изо рта» [5, с. 586]. Кстати, фугас под нашим домом, национальным миром так и остался зарытым. Опасность, по мысли поэта, не миновала. Сатанинские силы отражаются в зеркале истории: «Кривой монгол, стальной тевтон // легли на нем слоями. // Повел на Родину масон // Огромными ноздрями. // И отразился декабрист // И с топором студент, // Народолюбец и марксист // И тот интеллигент...» [7, с. 212].

Зеркало таинственно связывает предметный мир с инфернальным: «Оно сияло со стены неверно и бездонно» [7, с. 206]. В дальнейшем метафору зеркального отражения поэт развивает, углубляя её религиозно-философский смысл. В стихотворении «Последнее искушение» отражение «в блестящем зеркале вод» [5, с. 299] меняет правое на левое, а левое на правое, то есть меняют свое значение все нравственно-этические категории. Отраженный мир оказывается миром Сатаны, который распространяется и на народные представления: «Сидя в лодке, учил ты любви, // Но народ, как твое отражение, // Повторял все движенья твои, // Им давая другое значенье» [5, с. 299]. В стихотворении «Испытание зеркалом» гость-Сатана заявляет: «Зеркалами я скрыл глубину, // Плоскость мира тебя отражает. // Вместо солнца ты видишь луну, // Только плоскость тебя окружает» [5, с. 236]. Зеркальное отражение мира в сознании, искусстве, поэзии оказывается наваждением, адской бездной, искажением Божьего замысла. Поэт, рисуя национальное пространство Руси, ощущает его в окружении инфернальных сил: «Косматый Запад тучи шлет, // Восток – сухую пыль» [7, с. 193].

В стихах Ю. Кузнецова ясно звучит тревога за судьбы планеты, за будущее России, за сохранность и жизненность национальных идеалов, за чистоту и красоту народной нравственности и эстетики. В стихотворении «Змеиные травы», написанном в годы застоя, возникает образ мчащегося поезда, везущего «мечты и проклятья земли», колеса которого «на змеиные спины сошли»: «Канул поезд в пустое пространство. // Но из Вас никому невдомек, // Если вдруг среди мысли раздастся // Неизвестно откуда – гудок» [5, с. 56]. Ясно, что речь идет о паровозе, у которого «в коммуне остановка», который оказался в инфернальном мире. Злой дух проникает в национальный мир, во внутренний мир героя, в том числе и лирического. Отсюда острая конфликтность поэзии Кузнецова.

Сердце поэта обливается кровью, когда он видит разорение родной земли, разгул сатанинских сил: «Кроме наглых надежд и тумана, // Ни крестов, ни кустов, ни идей. // Ах вы голые карлы обмана, // Постыдились хотя бы людей» [5, с. 250]. Древо жизни, взошедшее на Святой Руси, облюбывал противник любви: «Я увидел, всё древо усеяли бесы // И, кривляясь, галдели про черные мессы. // На ветвях ликovalo вселенское зло: // – Наше царство пришло! Наше царство

пришло!» [5, с. 276]. Но следует подчеркнуть, что свою Родину он не идеализирует, как не идеализирует и русский народ. «Куда ты дел мотор, орясина? // Аль снес за четверть первача? // И все поешь про Стеньку Разина // И про Емельку Пугача» [5, с. 253], – с горечью обращается он к русскому человеку в стихотворении «Не поминай про Стеньку Разина...». В стихотворении «Сидень» его ролевой герой, восходящий к образу русского богатыря, «на солнце глядит и его отгоняет камнями» [5, с. 254], а в стихотворении «Дело» он рубит сук, на котором сидит. Не исключение в этой галерее образов и сам лирический герой, который находится во внутренней борьбе («Бой в сетях»). Пространства широкого русского поля и души русского человека – это поле борьбы сил добра и зла, света и тьмы, жизни и смерти. Стихи о Боге и дьяволе в его сборниках часто соседствуют. Но в 70-80-е гг. XX в. он больше внимания уделяет персонифицированному злу: «Во тьме сидит, как бы незрим // Великий Сатана» («Седьмой») [5, с. 243], «Внутри ореха черт сидит // Да ветер воет» («Пустой орех») [5, с. 164]. Он разоблачает и выводит на чистую воду «племя, укравшее тень у соседа» («Поступок») [5, с. 232], бичует «маркитантов обеих сторон – // Людей близкого круга» («Маркитанты») [5, с. 230]. В стихотворении «Свеча закона» он размышляет о правовом государстве. В темноте свеча освещает лишь небольшой круг, а дальше «бродит страх и слышен рев дракона» [5, с. 281].

Все негативное, что происходит с нашим народом, нашей страной, – это происки дьявола: «Там котел на полнеба рванет, // Там река не туда повернет, // Там Иуда народ продает. // Все как будто по плану идет... // По какому-то адскому плану», – пишет он в стихотворении «Откровения обывателя» [5, с. 270].

Величайший обман Сатаны, с точки зрения Юрия Кузнецова, связан с понятием свободы. В стихотворении «Ловля русалки» Россия-русалка заглотнула словечко «свобода» вместе с крючком. В поэме «Сошествие в ад» Сахаров томится в аду в клетке свободы. Поэт обращается к Священному писанию, начиная с Ветхого завета, с первородного греха: «Все началось со свободы у древа познания // И покатилося, поехало в даль без названья. // Все пошатнулось, а может, идет напролом // В рваном и вечном тумане меж злом и добром, // Пень да колода, и все еще падает в ноги // Мертвое яблоко с голосом: будем как боги» [5, с. 488].

Поэт, ощущая присутствие в мире Сатаны, чувствует приближение конца света. «Я слышу адский шум и лязг веков, // Мышиный писк всеобщего итога», пишет он в стихотворении «Воспоминание о Боге» [5, с. 420]. Эсхатологические мотивы в творчестве Ю. Кузнецова занимают значительное место. Разрушительные демонические силы совращают и разрушают как отдельного человека, так играют страшную разрушительную роль в судьбе народа, России. Таково стихотворение «Седьмой» о смертном грехе насилия над собственной матерью и мести братьев друг другу, их гибели и неутешных слезах поруганной матери. И в «Семейной вечере» – всё о России, судьбе русского народа, отца, матери и детей.

Поэзия Кузнецова направлена на разоблачение лжи и мимикрии злого духа, носителем которого оказывается, например, монах из стихотворения «Поэт и монах». Поэт попытался ответить на вопрос о взаимоотношении искусства и религии. Монах выражает аскетический взгляд на искусство: «Искусство – смертный грех, // Вы все мертвы, как преисподня, // И ты мертвец – на вас на всех // Нет благовестия Господня». Поэт выступает за чувственное восприятие не только мира, но и Бога: «Ты умерщвляешь плоть и кровь, // Любовь лишаешь ощущения. // Но осязательна любовь, // Касясь тайны Причащенья» [5, с. 453]. И

поэт стоит ближе к Христу, с точки зрения автора, чем лжемонах, оказавшийся врагом и Христа, и человечества. Образ Монаха у Кузнецова, несомненно, восходит к образу Великого инквизитора Ф. М. Достоевского.

Кузнецов бичует ложь в искусстве. По словам С. Ю. Николаевой, «Кузнецов подчеркивал неприемлемость постмодернистских принципов в искусстве, считая их «обманом и подделкой» [8, с. 44]. Такое искусство является проявлением инфернального мира в земной реальности. Истинное искусство несет добро, красоту, свет. В поэме «Путь Христа» дьявол прельщает Христа «грезами искусства». Женские чары, мед знания, синяя слава – все призрачно, окутано дымом и в одно мгновение может исчезнуть. Достаточно Сатане моргнуть – и вместо всех прелестей мира стелется только дым. Представление о присутствии сатанинских сил в искусстве опять-таки воплощается в образе пустоты. Таковы поэты – «шифровальщики пустот» [6, с. 104] и «пустот постояльцы» [5, с. 561].

С религиозно-философской концепцией бытия у Кузнецова связано и употребление «условных» языковых форм. Христос на испытании «как бы один» в мире. Дьявол вещает «призрачным голосом из праха» [5, с. 518]. Поэт передает ощущение «бездны времен». В слове *бездна* заложено сатанинское начало. Все это связано с приоритетом духовной природы бытия над материальной, телесной. Суть событий передается в метафоре: «Молния духа в расселину времени бьет» [5, с. 523]. Слово Христа – это духовная пища, вкушаемая народом. В поэме «Путь Христа» как бы сталкиваются Божественное, творческое, сущностное, истинное видение и дьявольское наваждение, которое извращает, искажает истину.

Инфернальный мир во всей своей мерзости, тьме и лжи нарисован в поэме «Сошествие в ад». Ю. Кузнецов рисует победу Христа над Сатаной: «Пал Сатана на колени и рухнул лицом, // Дым от него повалил и рассеялся злобно...» [5, с. 574]. От ощущения присутствия в мире Сатаны Ю. Кузнецов пришел к чувству Божьего промысла и явного наличия в мире Христа.

Список литературы

1. Дунаев М. М. В спорах о русской идее // Литературная газета. 2006. № 48. С. 7.
2. Епископ Александр (Семенов–Тянь-Шанский). Православный катехизис. М.: Московская патриархия, 1990. 128 с.
3. Ильин И. А. Для русских. Избранное. Смоленск: Посох, 1995. 416 с.
4. Кузнецов Ю. П. Край света – за первым углом. М.: Современник, 1976. 142 с.
5. Кузнецов Ю. П. Крестный ход. Стихотворения и поэмы. М.: СовА, 2003. 640 с.
6. Кузнецов. Ю. Стихотворения. М.: Эксмо, 2011. 480 с.
7. Кузнецов Ю. П. Стихи. М.: Советская Россия, 1978. 224 с.
8. Николаева С. Ю. Поэзия И. А. Бунина в творческом сознании Ю. П. Кузнецова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2011. № 18. Вып. 3. С. 44–53.

INFERNAL WORLD IN THE WORKS OF Yu. P. KUZNETSOV

V. A. Redkin

Tver State University

The department of philological basics of publishing and literary creation

Infernal world is presented in Yu. P. Kuznetsov as the spirit of evil that exists in the Universe, in nature, penetrating into national consciousness, the soul of a particular person in the art. Evil always destructive. Throughout his creative life of the poet was interested in the problem of betrayal, as the embodiment of evil spirit in people Infernal world in all their abominations, darkness and lies depicted in the poem "Descent into hell". Ultimately, Yu. P. Kuznetsov draws Christ's victory over Satan. The feeling of presence in the world of Satan Yu. Kuznetsov came to the sense of God's Providence and the explicit presence of Christ in the world.

Key words: *Yu. P. Kuznetsov, infernal world, hell, false, darkness, emptiness, betrayal, Satan the spirit, the light, the Christ*

Об авторе:

РЕДЬКИН Валерий Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: foidid-red@rambler.ru